

ИДЕЯ ЦЕНТРА У РЕНЕ ГЕНОНА

Рене Генон (1886–1951) – известный французский эзотерик и метафизик, основатель современного интеллектуального течения, известного как философский традиционализм. На постсоветском пространстве переводы его работ впервые появились в печати в год распада Советского Союза (1991) благодаря усилиям Ю. Стефанова и А. Дугина. До этого тексты Рене Генона «ходили» в самиздатских переводах или же находились в спецхранах. Со временем появился и научный, исследовательский интерес к его интеллектуальному наследию. В России он представлен намного существеннее, чем в Украине. Сказать что-либо о других постсоветских государствах мне сложно. В странах же Запада интерес к творчеству Генона и философскому традиционализму присутствует довольно ощутимо (см.: [Giankola 1999, 218–220; Sedgwick 2004]).

Настоящим докладом мне бы хотелось продолжить возникшую практику осмысления текстов французского мыслителя на постсоветском пространстве, сосредоточившись на одной из его, как мне видится, главных идей, а именно, идее центра. Эта идея, так или иначе, присутствует во многих книгах Рене Генона (например, в таких как: «Эзотеризм Данте» (1925), «Кризис современного мира» (1927), «Царь мира» (1927), «Символизм креста» (1931)), а также в некоторых его статьях «Идея центра в древних традициях» («Regnabit», май 1926), «Хранители Святой Земли» («Voile d'Isis», август – сентябрь 1929)).

Не исключено, что идея центра была привнесена в современную научную и философскую литературу, а также общественно-политическую сферу, именно французским мыслителем. В последующее время к ней довольно активно обращаются в антропологии (К. Леви-Стросс), религиоведении (М. Элиаде²), политической жизни (партия «Единый центр» в Украине), не говоря уже о других, размытых с концептуальной точки зрения случаях ее применения.

Прежде всего следует отметить, что, обращаясь к идее центра, Генон не пытается ее исследовать или конструировать, опираясь на имеющиеся в современной ему академической науке и философии типы знания, так как он считает, что и современная наука, и философия не только не интересуются этой идеей как таковой, но и в целом не способны ее осознать. Между тем сама идея центра, одна из наиболее архаических и важных для человечества, занимает «наибольшее место во всех древних традициях» [Генон 1997, 87]. Говоря о ней, Генон прежде всего обращается к доступным ему источникам

¹ Завгородний Юрий Юрьевич (Киев) – канд. филос. наук, докторант Института философии им. Г. С. Скоророды НАН Украины. Данный текст был опубликован в сборнике Мистико-эзотерические движения в теории и практике. Проблема интерпретации эзотеризма и мистицизма. Сб. материалов Третьей международной научной конференции / Под. ред. С.В. Пахомова. СПб.: ПХГА, 2010. С. 176-187.

² В дальнейшем мы коснемся примеров влияния Р. Генона на М. Элиаде. См. также: [Элиаде, 1999. Испытание; Spineto 2001].

разных традиций (в первую очередь индуизма, даосизма, христианства, ислама), а также, вероятно, к собственному практическому опыту. Идею центра он рассматривает в двух плоскостях: метафизически – в виде первопринципа, и феноменологически – в виде проявлений в различных традициях.

Обращаясь к анализу текстов Генона, следует помнить об особенностях его языка, необычной манере изложения, о которой Юрий Стефанов справедливо писал: «Дело в том, что парадоксальная, поистине “скорпионья” логика Генона имеет мало общего с академической логикой. Он не доказывает, а подсказывает, намекает, сопрягая между собой выкладки “традиционной” этимологии, обрывки древних легенд, символические параллели» [Стефанов 2006, 37–38].

Рассмотрим сначала метафизическую составляющую идеи центра³. Одно из ее наиболее полных концептуальных объяснений Геноном мы находим в его статье «Идея Центра в древних традициях»: «Центр есть, прежде всего, начало, исходная точка всех вещей, точка первопричины, без формы и размеров, стало быть, неделимая, а следовательно, единственно возможное изображение изначально Единого. ... Центральная точка и есть Принцип, чистое бытие, а пространство, которое она наполняет своим излучением и которое существует лишь в силу этого излучения (“Да будет свет” *Книги Бытия*), без чего оно было бы лишь “отсутствием” и небытием, это Мир в смысле его беспредельности, совокупность всех существ и всех состояний Сущего, которые образуют универсальную проявленность» [Генон 1997, 87–88]⁴. Развивая свое объяснение далее, Рене Генон обращается к символам, которые выступают, как бы промежуточной сферой между первопринципом и проявленным. При этом наибольшее внимание он уделяет точке и кругу / окружности: «Точка есть знак Принципа, круг – символ Мира» [Генон 1997, 88] и взаимоотношениям между ними: «Окружность не могла бы существовать без своего центра, в то время как центр абсолютно независим от нее» [Генон 1997, 89]. То есть сопряжение точки (метафизического Центра) и окружности (проявленного мира) – это символ полноты мира при сохранении его четкой центричности.

Чисто умозрительные рассуждения Генон подкрепляет как символическим, так и феноменологическим изложением. Графическое изображение окружности остается при этом центральным, приобретая различные модификации, разделяясь посредством лучей на четыре, шесть и восемь равных частей. Наибольшее внимание Рене Генон уделяет окружности с крестом внутри. Он считает, что такая окружность «лицетворяет цикл проявлений, подобный космическим циклам

³ Необходимо отметить, что обращение к идее центра имело место в интеллектуальной истории Европы и до Р. Генона, например, у Н. Кузанского [Кузанский 1979] и А. Пайка [Пайк]. Но эти попытки уступают степени осмысления проблематики в работах французского мыслителя.

Благодарю Е. Л. Кузьмишина за предоставленную возможность ознакомиться с текстом А. Пайка «Точка в круге».

⁴ Ср.: «Центр есть след вертикальной оси на горизонтальной плоскости» [Генон 2008, 80].

индуистской доктрины В этом случае части окружности, на которые разделяют ее оконечности креста, соответствуют различным периодам или фазам, на которые делится сам цикл. И подобное деление может рассматриваться, так сказать, в зависимости от протяженности циклов, о которых идет речь. Например, оставаясь на земном плане, мы имеем четыре главных времени суток, четыре лунных фазы, четыре времени года, а также, согласно традициям как Индии, так и Центральной Америки, так и греко-латинской античности, четыре «века» истории человечества» [Там же, 89]. Развивая символический универсализм окружности, Генон за подтверждением обращается к так называемому «кельтскому колесу», «индийскому “колесу Закона” и чакре», «зодиакальному колесу с двенадцатью лучами» и другим примерам.

Затем французский мыслитель предлагает перейти от рассмотрения центра «как приоритетного перед окружностью» к его соотношению с окружностью, или же проявленным, феноменальным миром⁵: «То есть речь идет о действии Принципа в лоне творения» [Там же, 92]. Рене Генон называет три аспекта идеи центра как места, «где соединяются все противоположности и разрешаются все противоречия», а именно: равновесие, гармонию и справедливость [Там же]. При этом сам центр остается неподвижным и неизменным в постоянно изменяющемся феноменальном мире, что не только указывает на его абсолютный статус, но и на способность производить и поддерживать порядок во всем мироздании. Генон обращает внимание и на такие важные эквиваленты идеи центра, как «Ось мира» и «Полюс», сопоставляя их с вращением земной или небесной сферы вокруг своей оси. Французский мыслитель отмечает, что «символика, связанная с полюсом и обретающая иногда очень сложные формы, также встречается во всех традициях и занимает там весьма значительное место». И, оставаясь верным своему отношению к современной науке, добавляет: «Если большая часть современных ученых этого не заметила, то вот и еще одно доказательство полного отсутствия у них истинного понимания символов» [Генон 1997, 93–94]. Наиболее ярким и одновременно универсальным примером, символически олицетворяющим идею полюса-центра, Генон называет свастику, или «знак Полюса»: «Свастика есть изображение не Мира, но действие Принципа в Мире» [Генон 1997, 95]. Он отмечает, что свастика встречается во многих культурах как Старого, так и Нового света, относя ее истоки не только к доисторическим эпохам, но и к одному, наряду с точкой в центре круга, «из обломков изначальной традиции» [Генон 1997, 96]⁶.

Кроме того, что центр выступает «точкой начала» и «исхождения», он, согласно Генону, также есть и «точка конца и завершения»: «Поскольку все явления существуют лишь благодаря действию Принципа и никак иначе, то между Ним и всем проявленным должна существовать постоянная связь,

⁵ В данном случае уместно привести следующую цитату, свидетельствующую об особенностях понимания феномена(-ов) Геноном: «феномены, т. е. внешние и поверхностные модификации бытия» [Генон 2005, 91].

⁶ Подробнее о свастике см.: [Багдасаров 2001].

изображаемая лучами, которые соединяют в центре все точки окружности» [Генон 1997, 96]. И то, что эти лучи могут проходить в двух противоположных направлениях: от центра к окружности и от окружности к центру, по мысли Генона, не только олицетворяет центробежное и центростремительное движение соответственно, но и указывает на соотношение с фазами дыхания в индуистской доктрине и вызывает аналогию с физиологической функцией сердца – органического центра⁷. Тем самым символический ряд соответствий идеи центра, как одной из фундаментальных, имеет свое продолжение за пределами физического пространства и пространства артефактов, включая и природу человека. То есть возникает аналогия макро- и микромиров⁸.

Отдельно Рене Генон отмечает останавливается на такой важной характеристике идеи центра, как осознанное или бессознательно стремление человека к нему вернуться к центру. Прежде всего предполагается «ритуальная ориентация», «которая, собственно, указывает на духовный центр, видимый образ, собственно «Центр мира» [Генон 1997, 97]. При этом Генон обращает внимание и на четко установленную ориентацию христианских церквей (т. е. сооружений) и исламских мечетей. Отметим, что мотив «ностальгии по истокам» со временем был детально проанализирован на богатом религиоведческом материале М. Элиаде [Элиаде 1999. Очерки].

Генон завершает свое изложение уподоблением идеи центра или «Центра» как такового, который есть и начало, и середина, и конец, слогу «АУМ», который в индуистской традиции отождествляется с Абсолютом. Тем самым, обращая внимание на глубинные истоки идеи центра, французский мыслитель отметил ее поразительную вездесущность, хотя и не всегда очевидную для неподготовленного восприятия, отдавая при этом предпочтение индуистской традиции, как наиболее хорошо сохранившейся в наше время.

Помимо только что рассмотренной нами статьи, наиболее полно к идее центра Генон возвращается в работе «Царь мира». В ней французский мыслитель представил свидетельства различных европейских и азиатских традиций о наличии на Земле иерархии духовных (сакральных) центров во главе с таинственным владыкой «Царем мира», находящимся в «Центре мира»⁹ – главном сакральном центре, и предложил их интерпретацию. Думаю, не будет преувеличением сравнить данную работу Генона со своего рода энциклопедическим справочником, посвященным «сакральной географии», одной из отраслей традиционной науки. Не исключено, что выход «Царя мира» ознаменовал не только систематизацию данных о наличии в земном пространстве особого измерения, но и придал ему концептуальный характер¹⁰.

⁷ Хотя в этом случае нарушается буквальное понимание центра, т. е. его центричность или равноудаленность от окраин. Ведь сердце не находится в центре организма человека.

⁸ Подробнее о символизме сердца см.: [Генон 1997].

⁹ Центр мира – он же сакральный максимум земного пространства.

¹⁰ Интересно отметить, что почти одновременно с выходом «Царя Мира» публикуется путевой дневник Центрально-азиатской экспедиции (1923–1928) Н. К. Рериха

Если в небольшой статье «Идея Центра в древних традициях» Рене Генон главное внимание уделял все-таки метафизическим размышлениям, то в «Царе мира» французский мыслитель представляет материал более сбалансированно, возможно, пытаясь найти оптимальный вариант между отвлеченными размышлениями и необходимым изложением конкретных феноменов. Понимая, что в данном случае нам не удастся тщательно проанализировать многие, заслуживающие внимания аспекты «Царя мира», мы остановимся лишь на некоторых из них.

Так, в начале первой главы «Царя мира», которая называется «Представления об Агартхе на Западе», Рене Генон отмечает, что «выход в свет книги Фердинанда Оссендовского “И звери, и люди, и боги”» (в 1924 г. – Ю. З.)¹¹ и «шумиха, поднятая вокруг этой публикации», послужили «подходящим поводом для того, чтобы прервать заговор молчания вокруг вопроса об *Агартхе*» [Генон 1993, 97]. Эти строчки свидетельствуют не только о наличии существенного интереса в Европе в конце XIX – начале XX вв. к сакральному пространству в целом, но и к его максимуму в частности. Последний, как правило, локализовали в Центральной Азии. Очевидно, что Генон разделял эту позицию, считая Агартху также и подземным центром, действующим в современных условиях кали-юги [Генон 1993, 122]. Однако, если Ф. Оссендовский и Р. Генон, а еще ранее Д. А. Сент-Ив д’Альвейдр (1842–1910), называли сакральный максимум именно Агартхой (Агхарты, Агартхи), то Николай Рерих – Шамбалой [Roerich 1930]¹². Юрий Стефанов, не вдаваясь в детальные объяснения, отождествляет Агартху с Шамбалой, а последнюю тесно связывает с традицией тибетского буддизма [Стефанов 1993, 93–95; 1994, 6, 28; 2006, 132–133, 193]. Тем самым Стефанов присоединился к преобладающей точке зрения на Шамбалу (Шамбхалу) как сакральный центр мира (или, точнее, Центр мира, сакральный максимум мира) в последующей за Геноном и Рерихом эзотерической, научно-популярной и научной литературе (см.: [Алдошин 1987; Волков 2008; Vernbaum 1989; Thurman 1996] и мн. др.). Однако в литературе встречается не только отождествление Агартхи с Шамбалой, но и их взаимоисключающие противопоставления, в которых роль «светлого» (или же противоположного, «темного») начала может закрепляться как за Агартхой, так и за Шамбалой¹³.

(1874–1947) «Алтай – Гималаи» (1929), в котором тема сакральной географии является одной из центральных (см.: [Рерих 1992]), а в 1930 г. он издает книгу с красноречивым названием «Шамбала» [Roerich 1930]. Однако тема святых мест и паломничества к ним интересовала Николая Рериха и намного раньше Генона.

¹¹ Один из последних русских переводов упомянутой работы Ф. Оссендовского (1878–1945) был издан в 1994 г. [Оссендовский 1994] с довольно обширным предисловием Юрия Стефанова [Стефанов 1994, 3–33].

¹² Однако в ранее упомянутом путевом дневнике Н. Рериха «Алтай – Гималаи» вместо Агартхи-страны встречается упоминание о народе агарты: «Среднеазиатское предание говорит о таинственном подземном народе *агарты*. Приближаясь ко входам в его благое царство, все живые существа умолкают и благоговейно прерывают путь» [Рерих 1992, 43].

¹³ Так, например, российский автор О. В. Фомин считает, что «Шамбала – проявленный центр, связанный с ванами. Агартха – тайный центр, связанный с асами»

Поэтому, как нам кажется, дальнейшее исследование понимания идеи центра Рене Геноном в «Царе мира» не в последнюю очередь предполагает прояснение истоков самого названия «Агартха» («Агартти») и его соотношения с названием «Шамбала» вне европейского контекста. Также остаются открытыми вопросы: чем можно объяснить тот факт, что Р. Генон, в отличие, например, от Н. Рериха, отдал предпочтение употреблению именно Агартхе вместо Шамбалы? Ведь если о Шамбале сообщают, например, не вызывающие сомнений источники буддийской традиции, то об Агартхе таковых свидетельств вроде бы и нет.

Хотелось бы кратко остановиться еще на нескольких важных моментах «Царя мира». Рассматривая существование духовных (сакральных) центров различных традиций, Рене Генон утверждает главную характеристику пространства – его неоднородность, гетерогенность или же качественность¹⁴, которая в земных условиях наиболее полно проявлена именно в таких духовных центрах. Присутствие последних (например, Дельфийский храм, Иерусалим, Рим, Лхаса) как бы создает необходимый промежуточный уровень между земным и небесным мирами. Это пространственное измерение, относящееся к сакральной географии, имеет свою иерархию: «“Святая Земля” (т. е. «Центр мира» – Ю. З.), прототип всех остальных “Святых Земель”, духовный центр, которому подчинены все остальные центры, существует на самом деле. “Святая Земля” – это еще и “Земля святых”, “Земля Живых”, “Земля Блаженных”, “Земля Бессмертия”, все эти названия, к которым следует еще добавить “Чистую Землю” Платона, “Прибежище Блаженных”, эквивалентны друг другу» [Генон 1993, 132–133]¹⁵. И если пространственный сакральный максимум текущего цикла локализуется в районе Гималаев (и Тибета – «крыши мира»), то региональные сакральные центры («локальные», или «вторичные центры», служащие внешним отражением «Центра мира») присутствуют во многих частях мира. Кроме Иерусалима, Рима, Лхасы, а также Дельфийского храма, Рене Генон называет Вефиль (Вифлеем), Каабу, Монсальват и др. Также он обращается к изофункциональным топосам-символам сакрального центра, таким как священный остров, пещера, гора, камень, омфалос¹⁶. Встречаются

[Фомин 2005, 236]. См. также статьи: «Агартха», «Царь мира» [Агартха, или Агарта] [Царь мира], «Агартти» [Агартти].

¹⁴ «Истинное пространство – это как раз “качественное пространство”» [Генон 2003, 36].

¹⁵ В статье «Хранители Святой земли» Р. Генон приводит дополнительные примеры синонимов: «Чистая земля», «Земля Бессмертия» и «Сердце Мира» [Генон 1997, 110]. К прообразам «Центра мира» принадлежит и «Земной рай» [Генон 1993, 111].

¹⁶ Также см.: [Генон 1997]. Различные религиозные и культурные представления об упомянутых сакральных центрах наиболее подробно представлены в работах М. Элиаде [Элиаде 1994; 1998; 1999. Очерки], в которых слова и выражения «центр», «Центр», «Центр мира» относятся к наиболее частотным и ключевым. См. также беседы М. Элиаде с Клодом-Анри Роке, в которых идея Центра занимает важное место [Элиаде 1999. Испытание, 161, 180, 182, 188, 206 и др.]. Тем самым, как нам видится, имело место влияние идеи Р. Генона о Центре на научные взгляды, а, возможно, и на мировоззрение румынского ученого.

в работе и упоминания о сакральных центрах предыдущих циклов, например, Тула гипербореев и Тула атлантов, город Луз, острова Ку-ши и Шветадваipa.

Вкратце Генон останавливается на существовавшей в средневековой Европе институциональной эзотерической связи с «Центром мира» на Востоке, которую поддерживали рыцарские ордена, в первую очередь орден храмовников (тамплиеры) и розенкрейцеры. Однако, как пишет автор «Царя мира», прямая связь была утрачена в период между XIV в. и второй половиной XVI в. [Генон 1993, 123]. Утрата же существующей связи с «Центром мира» означает, что «сокровищница подлинных инициатических знаний перестала быть достоянием Запада; отныне Сведенборг мог с подлинным правом утверждать, что “Потерянное слово” надлежит искать у мудрецов Татарии и Тибета» [Генон 1993, 123–124].

Этот последний сюжет перекликается с тематикой паломничества (хождений и странничества), также представленной в работах Генона и имеющей самое непосредственное отношение к идее центра. Например, в уже упомянутой статье «Хранители Святой земли» паломничество характеризуется «одним из олицетворений посвящения», а «“паломничество” в Святую Землю в смысле эзотерическом есть то же самое, что и ... “поиски Святого Грааля”» [Генон 1997, 115]. В посмертно изданном сборнике «Франкмасонство и компаньонаж» феномен паломничества французский мыслитель относит к «посреднической» сфере: «В самом деле, именно к сфере, каковую можно было бы назвать “посреднической”, относится все то, что связано с паломничествами, а равно и с традициями компаньонажа, или цыганами. Знание “малых мистерий”, или законов “становления”, обретается в прохождении через “колесо вещей”, однако, овладение “великими мистериями”, кои являются знанием неизменных принципов, требует неподвижного созерцания в “великом уединении” в недвижимой точке, каковая есть центр колеса, точке, вокруг которой вращается проявленная вселенная» [Генон 2009, 96].

В заключение хотелось бы отметить несколько моментов.

Идея центра занимает важное место в творчестве Р. Генона¹⁷. Обращаясь к идее центра, французский эзотерик, как нам видится, оказался, по сути, первым, кто концептуально осмыслил в Новое время измерение сакральной географии, т. е. иерархию святых мест и феномен паломничества в целом. Однако интерес Генона к сакральной географии оказался востребованным не только в эзотерических, но и в академических кругах.

Например, в дальнейшем интерес как к идее центра, так и к сакральной географии в целом, но уже в академической среде, будет успешно развивать М. Элиаде, испытавший в свое время влияние Р. Генона. В частности, Элиаде предложит новое и важное понятие «иерофанья». И благодаря уже румынскому религиоведу сакральная география становится отдельным объектом академических исследований.

¹⁷ К сожалению, важное исследование М. Тамаша «Рене Генон и Центр мира» для нас оказалось недоступным [Тамаш 2007]. Однако примечательно то, что о существовании исследования, мы узнали уже в ходе нашей работы. Тем самым выбор темы оказался не случайным.

После распада Советского Союза интерес к сакральной географии появляется и на постсоветском пространстве. Наиболее активное его развитие наблюдается в России. Так, в 2004 г. московский византолог и искусствовед А. М. Лидов предложил новое понятие «иеротопия»¹⁸, которое способствовало становлению отдельного научного направления междисциплинарных исследований. Таким образом, иерофания, как вызов абсолютного, трансцендентного, Божественного, дополняется иеротопией, ответом человека на появившийся вызов.

В результате изучение сакральной географии, начатое в свое время Р. Геноном, приобретает новые очертания, а значит, и возможности для дальнейшего осмысления сакрального пространства.

ЛИТЕРАТУРА

- Агартти* // Википедия [электронный ресурс]:
<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B3%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8/>
- Алдошин В. А.* Сведения о стране Шамбала в сочинениях тибетской Трипитаки // Письменные памятники и проблемы исторической культуры народов Востока. XXI годичная научная сессия ЛО ИВАН АН СССР. М., 1987. Ч. I. С. 11–17.
- Багдасаров Р. В.* Свастика: священный символ. Этнорелигиоведческие очерки. М.: Белые альвы, 2001.
- Волков С.* Тибет на крыше мира: В поисках легендарной Шамбалы. Среди песков и мифов Центральной Азии. Загадки империи Чингисхана. – М.: АСТ: Хранитель, 2008.
- Генон Р.* Восток и Запад. М.: Беловодье, 2005.
- Генон Р.* Символы священной науки. М.: Беловодье, 1997.
- Генон Р.* Символизм креста. М.: Беловодье, 2008.
- Генон Р.* Франкмасонство и компаньонаж. Легенды и символы вольных каменщиков. – Воронеж: TERRA FOLIATA, 2009.
- Генон Р.* Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. М.: Беловодье, 2003.
- Генон Р.* Царь мира // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 97–133.
- Кузанский Н.* Сочинения в 2-х томах. М: Мысль, 1979.
- Лидов А. М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы парадигмы в византийской культуре. М.: Феория; Дизайн. Информация. Картография; Троица, 2009.
- Оссендовский Ф.* И звери, и люди, и боги. Москва: РИЦ «Пилигрим», 1994.
- Пайк А.* Точка в круге // [электронный ресурс]:
http://mason.ru/public_rus/mason_rus_biblio/99_htmlfile.pdf/

¹⁸ «Иеротопия – создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества» [Лидов 2009, 11].

- Письма Е. Рерих Асееву. Т. 1. 12.01.1949 // Агартха, Агарти [электронный ресурс]: <http://www.myshambhala.com/obitel/comments/agarta.htm/>
- Рерих Н. К.* Алтай – Гималаи: Путевой дневник. Рига: Виеда, 1992.
- Стефанов Ю. Н.* Мистики, оккультисты, эзотерики. М.: Вече, 2006.
- Стефанов Ю. Н.* Не заблудиться по пути в Шамбалу // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 92–96.
- Стефанов Ю.* Ни звери, ни люди, ни боги // *Оссендовский Ф.* И звери, и люди, и боги. Москва: РИЦ «Пилигрим», 1994. С. 3–33.
- Фомин О. В.* Священная Артанья. М.: Вече, 2005.
- Элиаде М.* Азиатская алхимия. Сборник эссе. М.: Янус-К., 1998.
- Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999.
- Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Издательство МГУ, 1994.
- Элиаде М.* Испытание лабиринтом. Беседы с Клодом-Анри Роке // Иностранная литература. М., 1999. № 4. С. 151–208.
- Агартха, или Агарта // Энциклопедия «Символы, знаки, эмблемы» // [электронный ресурс]: <http://slovari.yandex.ru/dict/encsym/article/SYM/sym-0013.htm/>
- Царь мира // Энциклопедия «Символы, знаки, эмблемы» // [электронный ресурс]: <http://slovari.yandex.ru/dict/encsym/article/SYM/sym-0716.htm/>
- Bernbaum E.* The Way to Shambhala. A Search for the Mythical Kingdom Beyond the Himalayas. Los Angeles, 1989 (Пер. на русс. яз.: *Бернбаум Э.* В поисках Шамбалы. М.: РИПОЛ классик, 2005).
- Giankola D. M.* Review / *Quinn W. W.* The Only Tradition. Albany: State University of New York Press, 1997 // Philosophy East and West. 1999. Vol. 49. Number 2, April. P. 218–220.
- Roerich N.* Shambhala. N. Y.: Frederick A. Stokes, 1930.
- Sedgwick M.* Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Spineto N.* Mircea Eliade and Traditionalism // Leiden, 2001. Aries. Vol. I, # 1. P. 62–87.
- Tāmaṣ M.* René Guénon et le Centre du Monde. Toronto: Rose-Cross Books, 2007.
- Thurman R. A. F.* Essential Tibetan Buddhism. San Francisco: Harper San Francisco, 1996.